

Разгадать «Энигму»: Барак Обама сквозь призму этического реализма Рейнхольда Нибура

Тимофеев И. Н.

В статье проводится анализ доктринальных и политико-философских оснований внешней политики Барака Обамы сквозь призму интеллектуального наследия Рейнхольда Нибура, который считается ключевым интеллектуальным авторитетом американского президента. Основной тезис статьи: Барак Обама вполне может вернуть американскую внешнюю политику в реалистическое русло, даже несмотря на то, что он представляется более мягким лидером по сравнению со своим предшественником. Если Буш-младший казался реалистом, то внешне более гибкий Обама, становится реалистом по существу, не выставив американскую мощь напоказ, а опираясь на дипломатию, коалиционную игру и политику компромиссов, при этом последовательно отстаивая национальные интересы США. Нормативная позиция Рейнхольда Нибура играет заметную роль в международной политике Обамы, аргументации и легитимации его намерений и решений.

Избрание Барака Обамы президентом США осенью 2008 г. вызвало большое число дискуссий относительно его политического кредо. Сегодня, по прошествии полутора лет после инаугурации, ответ на этот вопрос до сих пор не ясен: “Who is Mr. Obama” звучит не менее остро, чем “Who is Mr. Putin” образца начала 2000-х гг. Причем тональность в обсуждении этого вопроса задают сами американцы. Будущий президент был назван «Энигмой» в одной из публикаций «Вашингтон пост» еще за год до вступления в должность¹. Обама характеризовался как многообещающий политик с безупречной репутацией, к тому же стремящийся к изменениям и поиску компромиссов. Но это ничего не говорило об идеологической и политико-философской основе его взглядов².

Между тем, острота этого вопроса вполне понятна. Выбор или хотя бы приближение к той или иной политико-философской позиции делает более предсказуемыми дальнейшие намерения и стратегии политика. Любая серьезная политическая доктрина подразумевает набор устоявшихся концептуальных связей и систем политических аргументов. Зачастую

политик адаптирует ее к текущим условиям, но не имеет возможности изменить ее базовых принципов. Крупные политические доктрины, как и институты, можно уподобить коралловым рифам: в текущий момент можно «достроить» риф, но нельзя изменить его целиком³.

Система идей и аргументов, которыми оперирует лидер, выступает своего рода ограничителем его действий. Избранный политико-философский фундамент трудно изменить в «одночасье», в отличие от предвыборных или иных обещаний по частным вопросам, которые, как известно, легко нарушаются или носят демагогический характер. В этом смысле, политическая теория как дисциплина имеет довольно широкие прикладные возможности. Понимание нормативных мотивов президента может дать важные ориентиры для определения возможных траекторий его политики.

«Загадка» Обамы приобрела еще большую интригу в связи с сохраняющимися кризисными явлениями в мировой экономике и международных отношениях. Растущая неопределенность и нелинейность повышают риски выбора той или иной линии. Стратегии и

Тимофеев Иван Николаевич — кандидат политических наук, доцент Кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России, директор Центра аналитического мониторинга Института международных исследований МГИМО(У) МИД России; e-mail: mctimoff@mail.ru

приемы, еще вчера доказывавшие свою эффективность, теряют актуальность. Резко сокращается время на принятие решений. Размывание политического кредо в подобных ситуациях — вполне естественно. Более того, возможно именно эта непрозрачность, помноженная на харизму, обещание изменений как таковых и попытки смешения различных доктрин в период избирательной кампании, помогли Обаме выиграть у МакКейна, позиция которого, в первом приближении, была идеологически более выверенной.

Для России эта неопределенность была важна, прежде всего, в отношении внешнеполитических аспектов. Вопрос о подходе Обамы к реформированию американской экономики или системы социального обеспечения, безусловно, интересен. Однако значительно более существенным для нас являются его нормативные представления о международной политике, в которой Россия выступает одним из ключевых контрагентов и партнеров США. Несмотря на некоторую нечеткость позиции, Обама дает ряд существенных зацепок, которые могут дать представление о его политико-философских предпочтениях относительно международной политики.

Можно искать эти зацепки в речах и выступлениях президента, скажем, с использованием контент-анализа. Можно делать умозаключения, исходя из конкретных результатов его политики, используя ивент-анализ или иные процедуры. Однако перед тем как использовать эти, безусловно, полезные и перспективные подходы, представляется целесообразным изучить вопрос об интеллектуальных авторитетах президента Обамы, выявить позицию тех, кто повлиял на его мировоззрение. Иными словами, не отрицая ценность сугубо эмпирических методов анализа, можно начать изучение проблемы с использования потенциала политической теории, роль которой явно недооценивается во многих эмпирических исследованиях.

В числе интеллектуальных авторитетов Барака Обамы значимое место занимает американский философ и теолог Рейнхольд Нибура (1892–1971). Основные работы Нибура были написаны в 1930-е–1950-е гг., а, начиная с 2000-х гг., можно было наблюдать возрождение интереса к Нибуру как американских экспертов, так и политиков. В интервью «Нью-Йорк Таймс» Обама назвал Нибура «одним из своих любимых философов»⁴. «Меня привлекает его [Нибура — И.Т.] трудно оспоримая идея о том, что мир подвержен большому злу и переживает болезненные трудности. Стоит проявлять большую осторожность, полагая, что их можно побороть. Но нам не следует использовать это как предлог для цинизма или бездействия. Меня привлекает то, что мы должны предпринять усилия по искоренению этих проблем, понимая их сложность и при этом не впадая ни в наивный идеализм, ни в радикальный реализм»⁵, — отметил Обама в том же интервью.

Интерпретируя Нибура в этом ключе, Обама определенно лавирует, выбирая некий срединный вариант, не давая ясного повода причислить его к реалистам или идеалистам (либералам). Вместе с тем, сам Нибура признается многими авторами одним из интеллектуальных столпов реалистической теории МО, которая, как известно, имеет вполне конкретный нормативный, политико-философский стержень. Философские основы работ Ганса Моргентау, Джорджа Кеннана, Эдварда Карра, Кеннета Уолтса, Генри Киссинджера, Артура Шлезингера и многих других берут свои основы в политической теории Нибура⁶.

В последнее время в отношении реализма сформировался целый ряд стереотипов, которые имеют немного общего с его классическими версиями в теории МО. Реализм часто воспринимается весьма поверхностно, ассоциируясь преимущественно с силовой политикой, «жестким» влиянием, игрой с нулевой суммой, политикой по принципу «каждый за себя». Внешняя политика Буша-младшего, с ее локальными войнами, резким ростом военных расходов и во многом односторонними действиями на международной арене, на первый взгляд, может характеризоваться как сдвиг к реализму именно в этом ключе⁷.

Основной тезис данной статьи состоит в том, что, несмотря на значительно возросшую роль силовой компоненты, внешняя политика Буша-младшего весьма далеко ушла от нормативных принципов реализма. Более того, она характеризовалась многими чертами, которые в свое время были объектом критики классиков этического реализма в современной теории МО. Полагаю, что именно Барак Обама вполне может вернуть американскую внешнюю политику в реалистическое русло, даже несмотря на то, что он показывает себя более мягким лидером по сравнению со своим предшественником. Если Буш-младший казался реалистом, то внешне более гибкий Обама, становится реалистом по существу, не выставляя американскую мощь напоказ, а опираясь на дипломатию, коалиционную игру и политику компромиссов, при этом последовательно и жестко отстаивая национальные интересы США.

Мы попробуем раскрыть этот тезис сквозь призму интеллектуального наследия Рейнхольда Нибура, чья нормативная позиция может сыграть заметную роль в международной политике Обамы, аргументации и легитимации его намерений и решений. Нам следует обратиться к Рейнхольду Нибуру постольку, поскольку именно ему принадлежит наибольший вклад в развитие политико-философских оснований реализма.

Другие классики этой теории международных отношений широко использовали нормативные аргументы, но сами лишь достраивали концептуальное здание этой теории. Дальнейшая интеллектуальная работа реалистов сдвигалась с нормативного фундамента к анализу собственно

политических вопросов. От политико-философских категорий, таких как авторитет, природа человека, справедливость, реалисты все больше переходили к концептуальному анализу таких понятий как мощь или национальный интерес. Особенно это было заметно в эмпирических исследованиях.

Между тем, внимание к факторам силы является скорее следствием, а не основанием реалистической теории. Вопреки расхожему мнению о несовместимости реализма с моралью и этическими принципами, именно моральные императивы дали точку опоры для его развития. Речь идет об обращении и специфической интерпретации ряда понятий христианской морали. Рейнхольд Нибур — пастор, философ и резонансный общественный деятель, — стал наиболее заметным автором, которому удалось трансформировать категории христианской морали в политические аргументы современных теорий международных отношений. Кроме того, нормативная матрица Нибура оказалась тесно коррелированной с консервативными политическими теориями. Реализм, таким образом, получил твердый интеллектуальный стержень, который встроил эту теорию международных отношений в более широкий контекст современных политических теорий.

Краеугольным камнем политико-философских взглядов Нибура является концепция природы человека и возможностей человеческой рациональности в достижении справедливого политического устройства. Своим интеллектуальным предтечей в этом вопросе Нибур считает Августина Блаженного, которого он характеризует как одного из первых великих реалистических мыслителей⁸. Отталкиваясь от Августина, Нибур исходит из допущения о двойственности человеческой природы. С одной стороны, человеку свойственно стремление к справедливости и этическому идеалу, выражаемому, в частности, христианскими заповедями. С другой, — человек несовершенен и грешен. Иными словами, полагая Христа в качестве образца, каждый человек, в какой-то мере, причастен к его распятию. Зная, что своего ближнего нужно возлюбить более самого себя, мы, тем не менее, склонны больше любить себя и следовать своим интересам. Таким образом, возникает напряжение и противоречие между желательным и реальным порядком вещей. Греховность человека превращается в постоянный фактор человеческой истории, а идея Христа — в «невозможную возможность»⁹.

Вера означает лишь частичную, но далеко не полную реализацию идеала Христа. Хотя сама возможность стремления к совершенству, равно как и то, что человек создан по образу и подобию Бога, уравнивает фактор греха. Человека, по мнению Нибура, можно уподобить льву — жестокому и хищному животному, которому, однако, присуще любопытство и мечта о том, когда он сможет сосуществовать с ягнёнком, не нанося ему вреда¹⁰. Эта аналогия тесно связана с мнением Августина о том,

что природа человека сотворена «как бы средней между ангелами и животными». Соответственно, послушанием Богу человек мог бы перейти в общество ангелов, но «высокомерием и непослушанием» был бы обречен жизни подобно животным, как «раб похоти»¹¹. Для Нибура «животная» составляющая является не менее существенной в сравнении с «ангельской». Именно исходя из этого, он будет впоследствии выстраивать свою аргументацию против религиозного пацифизма. Мысль Августина о том, что «никогда ни львы между собой, ни драконы друг с другом не вели таких войн, какие вели люди»¹² является одной из центральных для Нибура.

Важным интеллектуальным достижением Августина, Нибур также считает уход от античной традиции. Последняя предполагает, по его мнению, что справедливость и социальный порядок вполне достижимы. Это возможно в случае торжества человеческого разума, который должен подчинить природные страсти и телесные наклонности. Августин, напротив, не противопоставляет «добродетельный» разум и «порочное» тело. Он рассматривает человека как интегральную сущность. Разум не в меньшей степени является причиной греховности человека, нежели тело и природные инстинкты. Разум, в частности, имеет непосредственное отношение к эгоизму, склонности помещать себя в центр мироздания, считать себя мерой всего.

Порочность человека, таким образом, рационально отрефлексирована и не является следствием природных страстей, неподконтрольных разуму¹³. Разум может способствовать осознанию человеком своего несовершенства и стремлению к идеалу. Но вместе с тем, он может способствовать рационализации эгоизма и собственного интереса. Несовершенство человека состоит также в склонности переоценивать возможности своего разума. То есть проблема не в разуме самом по себе, а в убежденности, что посредством рациональных схем можно добиться построения бесконфликтного общества, не подверженного столкновению интересов. Этот тезис Нибур противопоставляет двум «рационалистическим» идеологиям — либерализму и социализму.

Проблема идеологий, которые ставят во главу угла допущение о безграничных возможностях человеческого разума, сходны, по мнению Нибура, с проблемами христианского пацифизма. Представители последнего используют идею Христа для аргументации своей веры в человека, тогда как первые — идею о безграничности разума, который может познать причины несовершенства природы человека и общества и решить эти проблемы. Нибур, в частности, отмечал, что социализм склонен связывать несовершенство человека и общества с характером общественных и экономических отношений, с наличием антагонистических классов и проблемы отчуждения. Соответственно, рациональное преобразование общества, исчезновение классов и изменение отношений

собственности снимет эту проблему и даст возможность реализовать человеческий потенциал¹⁴.

В основе либерализма также лежит убежденность в том, что несовершенство человека может корректироваться рациональным изменением институтов. Однако социализм (который Нибуром ассоциируется с коммунизмом советского образца) более опасен, поскольку ставит своей целью значительно более радикальные изменения, одно из которых — отказ от частной собственности¹⁵. Последствия таких экспериментов тем более иллюзорны и трудно предсказуемы, чем более фундаментальный и резкий характер они носят. «Коммунизм представляет собой яркий и объективный урок ужасающих последствий применения сомнительных средств ради достижения благих целей»¹⁶ — отмечал Нибур.

Однако это не значит, что США, с их буржуазными ценностями, являются совершенной и «невинной» нацией, единственным образцом для других. Америка должна всячески избегать позиционирования себя в качестве морального идеала и образца для другого мира. Ей следует избавиться от многих иллюзий своей непогрешимости: «нации, равно как и индивиды, уверенные в своей непогрешимости, невыносимы»¹⁷. В этом смысле, и США, и СССР одинаковы в том, что пытаются представить себя в качестве государств, по определению идущих единственно правильными путем: социализм следует рассматривать как оборотную сторону либерализма. Нибур отмечает, что пока либеральный проект в США не был отягощен репрессиями, сходными с советским опытом. Но дело не в том, что либеральные идеи и иллюзии лучше социалистических. Скорее всего, от деструктивных последствий либеральной утопии США оградили их политические институты и система сдержек и противовесов в принятии решений¹⁸.

Здесь позиция Нибура коррелирована с консервативными политическими теориями, главным образом, с умеренным консерватизмом в духе Эдмунда Берка. Опора на здравый смысл может оказываться более продуктивной, нежели следование абстрактным схемам и рациональным построениям. Нибур отмечает, что США удалось достигнуть своих успехов благодаря здравому смыслу и прагматичному подходу к власти, а не оторванным от реальности спекуляциям. Америка достигла таких успехов потому, что интеллектуальные построения «отцов основателей» о непогрешимости США, не были приняты всерьез¹⁹. Выражая скептицизм относительно безграничных возможностей разума, Нибур пытается опровергнуть противопоставление разума и власти. Он полагает, что рациональность и рационализация скорее способствуют укреплению власти, влияния и мощи, а не контролю над ними. Так, американская мощь определяется технической вооруженностью и эффективностью промышленности, с одной стороны, и достижениями в естественных науках — с другой. Но, как полагает

философ, ни бизнес, ни наука, не смогут обеспечить триумфа разума над властью²⁰.

Отсюда вытекает еще один вопрос, важный как для реализма, так и для консервативных теорий, а именно — вопрос об авторитете власти и ее легитимности. Для консерватизма уравнивание властью авторитета несовершенства человека и ограниченности разума является сквозным сюжетом. Аргументацию Нибура здесь следует начать с допущения того, что изъяны человеческой природы усиливаются и становятся более выпуклыми в групповом поведении. В отличие от индивида, который может преодолеть свой эгоизм, группы в большей степени руководствуются интересом, а роль силы в отношениях между группами значительно выше в сравнении с отношениями между индивидами²¹. Отсюда следует важный вывод, который красной нитью проходит через работы Нибура: христианский перфекционизм и пацифизм, убежденность в том, что порядок и справедливость могут быть достигнуты вне властных отношений и принуждения, являются ложными. Природа человека и социальных групп неизбежно требует политического элемента, когда сила балансируется другой силой. Проблема состоит не во властных отношениях и балансах сил как таковых, а в том, что сама политика никогда не сможет избавиться от шаткого равновесия между анархией и тиранией²².

Подчиняя анархию власти, последняя неизменно будет испытывать соблазн перерасти в тиранию. Следовательно, справедливость может быть достигнута только посредством определенного принуждения с одной стороны, и сопротивления принуждению и тирании — с другой. «Власть — это и следствие греховной природы человека, и лекарство от него»²³. Именно здесь проявляется необходимость системы сдержек и противовесов²⁴. Тем, кто обладает силой и механизмами принуждения, нельзя доверять. В сдержках и противовесах должна заключаться возможность баланса сил. И это актуально как для внутренней политики, так и для международных отношений. Агрессор не может быть принужден к миру, если нет силовых механизмов противодействия его мощи (здесь Нибур ссылается на попытки Лиги наций принудить Италию прекратить агрессию против Эфиопии в 1935; в этом же ряду следует полагать Маньчжурский инцидент, Мюнхенский сговор и др.)²⁵.

Концепция власти в философии Нибура определяет и специфическую трактовку понятия справедливости. Универсальная формула справедливости невозможна. Согласия проще достигнуть при многообразии представлений о справедливости. Этот конфликт нивелируется лояльностью сообществу. В случае государства подобную лояльность можно интерпретировать как патриотизм, в случае же международных отношений Нибур определяет такую лояльность через коллективные интересы. Здесь, кстати, он выступает с критикой «радикального»

реализма, который, в противовес идеализму, полагает, что государство на международной арене должно руководствоваться исключительно собственными интересами. Нибур, напротив, считает, что в этом случае, государство как раз навредит своим интересам. Следует формулировать свои интересы так, чтобы они соответствовали более широкому кругу интересов, общих и для других государств.

Долгосрочный коллективный интерес сообщества государств (Нибур, конечно, имеет в виду США и их союзников) значительно целесообразнее защиты наиболее выгодного, но сиюминутного интереса одной страны. Справедливость в международных отношениях связана, таким образом, с согласованием и защитой коллективных интересов²⁶. Реализм в интерпретации Нибура — это моральная доктрина, которую не следует отождествлять исключительно с цинизмом и эгоистическим интересом. Природа последнего, опять же, двойственна. Внешнеполитический интерес — это одновременно и предпосылка анархии, и средство ее укрощения.

Допущение об анархичной природе международных отношений, похоже, является предметом консенсуса базовых теорий международных отношений. Отличия в том, как объясняется анархия, а также в том, какими средствами она может быть нивелирована. Либералы (идеалисты) исходят из того, что анархия может быть снижена посредством рациональной организации взаимодействия между государствами, которая снижала бы вероятность войны. Лекарством от анархии может стать «мировое правительство», в той или иной форме воспроизводящее функции суверена внутри национального государства. Контролируя потенциалы мощи государств, такое правительство нивелировало бы соблазн использовать силу. Оно могло бы способствовать и более рациональной организации международной торговли, укреплению взаимозависимости, снижая заинтересованность в войне. Идеалисты также видят залог мира в победе над авторитарными режимами и торжестве демократии в странах мира.

Радикальные реалисты, наоборот, склонны полагать, что снижение остроты анархии невозможно и нецелесообразно. Разумно наращивать мощь и превентивно купировать внешние угрозы, тем самым страхуясь от издержек «естественного состояния» в международных отношениях. Пик этой дискуссии пришелся на послевоенный период (1940–1950-е гг.), но с определенными модификациями она воспроизводится вплоть до настоящего времени. Исходя из системы политико-философских аргументов, обозначенных выше, Нибур критикует обе точки зрения. Примечательно, что он выстраивает свою позицию в тесной привязке к внешней политике США. Подчас жестко критикуя американскую политику, он осознанно не занимает позицию «объективного» и «нейтрального» исследователя. Нибур подвергает сомнению идеологические и интеллектуальные

конструкции американского либерализма, но при этом ясно позиционирует себя как проамериканского мыслителя и патриота США.

В основе критики идеализма и либерализма лежит тезис о невозможности укрощения анархии международных отношений посредством какой бы то ни было рациональной схемы. Объективные научные методы не подходят для управления международной средой. Нибур выступает против абсолютизации позитивизма Огюста Конта и его последователей, полагавших, что социальные проблемы могут быть познаны и решены посредством применения естественнонаучных методов. Опора государственных деятелей на здравый смысл может оказаться менее разрушительной, чем следование абстрактным рациональным схемам (хотя их политика, конечно, не идеальна).

Нибур считает иллюзией возможность рационального управления историческим процессом. «На любом отрезке истории иллюзии управления исторической судьбой чреваты ошибками в оценке возможностей управляющих и их мудрости, а также — податливости и управляемости исторического “материала”»²⁷. Международные отношения определяются слишком большим набором факторов. Их структура и логика глубоко укоренены в историческом процессе и выходит за рамки возможностей отдельных индивидов, групп и даже поколений. Следовательно, рациональный контроль международной среды невозможен, и для конкретного государства она будет во многом выступать объективным, внешним фактором.

Одним из иллюзорных рационалистических конструктов Нибур считает мессианский дух, являющийся важной составляющей либерализма, а также самосознания американской нации. В идеях кальвинизма и джефферсонизма, которые легли в основу «мессианского сознания», США выступают своего рода примером для остального мира и образцом для его усовершенствования. Сама по себе, эта идея не подразумевает стремления к политическому господству. Но это не отменяет того, что Америка может быть подвержена соблазну использовать либеральное мессианство для оправдания применения силы на международной арене²⁸.

В этом случае, абстрактная мечта подменяет прагматизм и здравый смысл в качестве основания использования силы. Континентальной либеральной традиции, берущей свое начало в идеях французского просвещения и значительно повлиявшей на американский либерализм, Нибур вновь противопоставляет британский умеренный консерватизм. Если первый, по мнению Нибура, имеет скорее догматическое начало, то второй опирается на опыт и прецедент. Собственно, это и позволяет избегать перегибов в выборе между свободой и порядком²⁹ или же между анархией и тиранией как их крайними проявлениями.

Ограниченность мессианства состоит в том, что разные страны и культуры могут быть носителями неодинаковых моральных ценностей. Так в американском либерализме и американской политической культуре в целом сильна корреляция между добродетелью и материальным процветанием (Нибур связывает ее с пуританской традицией). Действительно, достижения капитализма и индустриализма в США привели к существенному росту комфорта и качества жизни. Но они же породили ложное убеждение в том, что высокие жизненные стандарты являются единственным мерилем «хорошей жизни» (good life), а совершенствование технологий представляет собой очевидный и понятный путь к реализации моральных норм. Заблуждением является то, что в США подходы ко многим проблемам стали выражать на чисто количественном языке, не понимая ограничений такого подхода. Нибур в качестве примера отмечает, что постоянное увеличение формального уровня образования не делает американскую нацию более «разумной», если под разумностью понимать мудрость, духовность или этичность нации³⁰.

Очевидно, что далеко не все государства разделяют подобный подход, будучи носителями иных культурных и моральных ценностей. Поэтому страны иной культуры могут совершенно непредсказуемо реагировать на действия США. Не следует удивляться тому, пишет Нибур, что в Азии экономическая мощь США ассоциируется не с добродетелью, а наоборот — с несправедливостью и империалистическими стремлениями, тогда как для самих американцев их страна не является империалистической по определению. Не меньшие проблемы возникают и с, казалось бы, более близкой европейской культурой. Нибур приводит пример Франции, где распространена убежденность в «вульгарности» американской культуры. Он ссылается также на французских публицистов, по мнению которых американский «технократизм» не сильно отличался от советского, хотя корни этих идей, по иронии, укоренены именно во французском просвещении³¹. Таким образом, разные культурные линзы, сквозь которые страны и их лидеры смотрят на мир, делают малопригодными общие рациональные рецепты для международных отношений. Они не поддаются организации «сверху».

Отличия культурных восприятий дополняются еще двумя сложностями. Первая состоит в огромной мощи, которой располагают США. Помимо соблазна использовать силу ради абстрактных ценностей, Нибур видит в этом возможную проблему в отношениях с союзниками. Потому как наличие такого дисбаланса порождает у них как реальные, так и мнимые опасения, вполне естественные для тех, кто не обладает равноценной силой. Вместе с тем, в такой концентрации мощи у Америки Нибур видит и преимущества. Наиболее важное заключается в том, что наличие центра силы позволяет эффективно сформировать вокруг него международное сообщество. Если бы

мощь была распределена более дисперсно, или, выражаясь современными терминами, если бы мир был многополюсным, то он был бы и менее упорядоченным, менее стабильным.

В этом случае, формирование международного (евро-атлантического) сообщества было бы значительно более трудной задачей. Интересно, что Нибур проводит здесь аналогию с империями, образование которых происходило вокруг какого-то одного центра силы³². Подчеркнем, при этом, что его позиция остается достаточно гибкой и, вполне в духе Августина, диалектической. Прагматичная позиция не должна давать однозначной оценки американской мощи. Подобная мощь таит в себе дилемму между минимальным порядком в международных отношениях, обеспечиваемых американской мощью, и соблазном использовать эту мощь в целях подчинения и реализации собственных интересов за счет интересов партнеров.

Каков же выход из этой дилеммы? Нибур полагает, что он не может быть найден в виде некоего «мирового правительства», которое имело бы полномочия ограничивать мощь отдельных государств и устанавливать балансы сил. Собственно американская мощь — наиболее существенный аргумент Нибура. Независимо от наличия какого бы то ни было мирового конституционного порядка, военный и экономический потенциал США будет оставаться долгосрочным фактором международной политики. И добиться снижения или балансировки этой мощи смогут либо новые, либо старые противники США, либо их коалиции, но не «мировое правительство», даже если допустить его существование³³.

Однако сдерживать соблазн использования мощи вполне может ООН. Конечно, она не способна выполнять функции «мирового правительства», но в ее рамках даже самые крупные державы будут вынуждены действовать под влиянием мнения международного сообщества. Таким образом, функция ООН состоит в сдерживании поползновений к тирании и в создании условий для достижения компромиссов. Само международное сообщество, даже если свести его к более узкому, евроатлантическому кругу, делает международные отношения более предсказуемыми. В частности, оно может стать важным препятствием реализации концепции «превентивной войны» (Нибур выступал ее последовательным противником), как средства решения международных проблем. США будут вынуждены согласовать решение о войне с союзниками, а само обсуждение и дискуссия уже лишат принятые решения односторонности, сделают их более выверенными.

Наличие значительной мощи у США связано и с другой сложностью. А именно — склонностью к поиску быстрых и простых решений, особенно по вопросам демократии и свободы в отдельных странах. Нибур предупреждает, что свобода и демократия

не являются решающими факторами образования сообществ (будь то национальные или международные). Политические сообщества образуются благодаря целому ряду иных факторов, таких как историческое наследие, географическая среда, культура и т.п. Влияние этих факторов трудно вписать в некий рационально сформированный политический конструкт. Любая политическая форма — это продукт истории. Само Атлантическое сообщество сформировалось не столько в силу приверженности свободе, сколько в результате общих культурных и исторических корней, по-своему интерпретирующих феномен свободы. Кроме того, его объединяют общие интересы, проблемы и вызовы³⁴.

Вместе с тем, как отмечает Нибур, объективность многих политических явлений, их неподвластность сугубо рациональному контролю, не является поводом для бездействия. Исторический прагматизм опять же представляет собой баланс между крайностями, одной из которых является инерционность мышления и пассивность перед будущим, а другой — утопичность и приверженность иллюзорным схемам, предлагающим простые решения сложных проблем³⁵.

Эти нормативные принципы нашли свое отражение или же аналогии в целом ряде работ реалистической школы. Аргументы о природе человека и концепция авторитета отражены в критике рационализма Гансом Моргентау³⁶, подход Нибура к международной политике емко выражен в известных четырех принципах дипломатии³⁷. Вопрос о балансе между силой и моралью раскрывался Эдвардом Карром³⁸. Нибур существенно повлиял на представления Кеннета Уолтса о природе вооруженных конфликтов и анархии в международных отношениях³⁹. Концепция международного сообщества Нибура предшествовала становлению английской и гарвардской школ международных отношений, а идея лояльности коллективным интересам международного сообщества парадоксально⁴⁰ стала немаловажной опорой для возникновения конструктивизма в конце 1980-х гг.

«Холодная война», ставшая предметом интеллектуальной рефлексии реалистов, давно позади. Современный мир сталкивается с новыми реалиями, угрозами и вызовами, которые качественно отличаются от проблем межвоенного периода и эпохи биполярности. Размывается роль национального государства на международной арене. Идут глобализационные процессы. Международные отношения стали в меньшей степени определяться балансом сил между великими державами. Исчез советский проект, во многом определивший общность интересов евро-атлантического сообщества. Изменяется характер войн и военных конфликтов. Наряду с регулярными армиями, угрозой стали сетевые организации террористов, не имеющих четкой национальной идентичности или же полурегулярные военные формирования, способные

доставить немало проблем даже передовым армиям мира. Существенные изменения произошли и в науке международных отношений. В 1990-е годы мейнстримом стали исследования представителей неolibерального подхода, а также теоретические и эмпирические разработки конструктивистов. Реализм считался многими устаревшей парадигмой, неадекватной новым тенденциям.

Сегодня, похоже, маятник начинает двигаться в обратном направлении⁴¹. Внешняя политика США в период президентства Буша-младшего стала своего рода переходным моментом, который показал преждевременность забвения реализма. Несмотря на упомянутые изменения в международных отношениях и окончание «холодной войны», США столкнулись с еще большей остротой тех проблем и возможных крайностей, которые анализировались Нибуром и другими реалистами.

Прежде всего, США оказались в ситуации, когда их мощь стала еще более значительной в сравнении с периодом шестидесятилетней давности. Как отмечает Алексей Фененко, после распада Советского Союза выросло целое поколение американских политиков, уверенных в абсолютном военном превосходстве Соединенных Штатов. Заметно более легким стало принятие решений о начале региональных конфликтов или о вовлечении в них американских вооруженных сил — стирается психологический барьер на использование силы. Эти тенденции обострились под влиянием неоконсерваторов в период президентства Дж. Буша. Реакцией на теракты 11 сентября стало возвращение в стратегическое планирование концепции превентивных ударов (по противнику, который представляет собой потенциальную угрозу) — значительно более радикальной меры по сравнению с упреждающими ударами (по противнику, готовому к агрессии)⁴².

Существенно возросло внимание к «социальной инженерии» — смене режимов и демократизации как средству достижения внешнеполитических целей, особенно на Ближнем Востоке. Опыт демократизации стран ЦВЕ, стал едва ли не механически переноситься на Ближний Восток, страны которого имели совершенно иные режимные, национальные и экономические характеристики. Демократизация извне превратилась в один из основных элементов неоконсервативной внешней политики (в противовес идее о том, что люди должны сами выбирать, когда и какими методами они хотят обрести свободу). Одновременно это породило и двойные стандарты — критикуя иранский авторитарный режим, неоконсерваторы мало внимания обращали, например, на состояние политического режима в Египте. Не более конструктивный характер носила и критика демократических институтов в России и Китае — странах, с которыми вполне возможно выстраивать прагматичные и предсказуемые отношения. Такую позицию можно встретить в целом ряде критических работ по внешней политике Дж. Буша⁴³.

Сомнительность результатов этой политики общеизвестна. Угроза превентивных ударов не сделала мир безопасней (по меньшей мере, она стимулировала, а не остановила иранские и северокорейские ядерные разработки). Демократизация не привела к видимой нормализации ситуации в Афганистане и Ираке. Несмотря на значительное превосходство США, активно наращивает свое влияние Китай. По ряду принципиальных вопросов в период президентства Буша-младшего зашел в тупик диалог с Россией. В силу односторонности ряда внешнеполитических шагов, обострялись отношения с европейскими союзниками и т.п.

Внешняя политика США, таким образом, стала одновременно подверженной как крайности идеализма, с его представлениями о возможности коррекции хода истории, мессианством и убежденностью в универсальности демократических ценностей, так и крайности радикального реализма, с его опорой на военно-политическое превосходство и политику односторонних действий. Именно эти крайности сделали этический реализм Нибура удобным инструментом критики администрации Дж. Буша-младшего.

Барак Обама наиболее последовательно воспользовался этим инструментом. Так, он провел четкую грань между войной в Афганистане и иракской кампанией. Удар против Афганистана президент полагал как оправданную и легитимную акцию — это был непосредственный ответ на атаки 11 сентября. Кроме того, США удалось заручиться широкой международной поддержкой, в том числе — помощью России. Однако в дальнейшем администрации Буша не удалось сохранить подобную коалицию. Война в Ираке была в значительно меньшей степени поддержана и обеспечена союзниками. Она велась под надуманными предлогами при отсутствии реальной угрозы со стороны режима Хуссейна. В этой войне, по мнению Обамы, не просматривается последовательной внешнеполитической стратегии. (По крайней мере, эта стратегия не прозрачна для союзников США).

Конечно, считает Обама, Америке придется иногда выступать в роли «шерифа» на международной арене, балансируя потенциал России и США. Но такая реакция должна осуществляться только в ответ на реальную, а не потенциальную угрозу. Терроризм, в этом смысле, угроза реальная, иракский режим — нет, несмотря на всю его авторитарность. В противном случае, Америка вынуждена взваливать на себя большую часть бремени подобных войн, тогда как разделение рисков и расходов с союзниками было бы более разумной стратегией. Реальная, а не мнимая, легитимность военных акций существенно повысит их эффективность, а взаимодействие с союзниками вообще может снять с повестки применение военной силы для решения той или иной проблемы⁴⁴. Политические шаги Обамы, направленные

на вывод войск из Ирака, в целом, соответствуют этой установке.

Вполне ожидаемо Обама выступил с критикой прямого навязывания демократии извне. Предлагаемый им подход более осторожен и прагматичен. Вместо «демократии на штыках», Америка, по его мнению, может вдохновлять дискриминируемые группы в других странах, требовать свободы, устанавливать стандарты демократии, финансово поддерживать проведение выборов и их институционализацию, обучать журналистов, способствовать развитию гражданского общества, оказывать экономическое и дипломатическое давление на авторитарных лидеров, если они дискриминируют права своих граждан⁴⁵. Опять же, в первые годы президентства Обамы можно фиксировать значительно более сдержанную риторику и политику в области продвижения демократии.

Сам Нибур вполне мог бы поддержать подобную позицию, сделав, при этом, одно существенное уточнение: реалистическая мораль — это мораль результатов, а не намерений. Оправдывая политические действия, можно весьма широко трактовать степень внешнеполитической угрозы или же то, в какой степени тот или иной режим действительно ущемляет права своих граждан, не говоря о разбросе мер воздействия на подобные режимы. Иногда трудно провести грань между манипуляцией критериями демократии, порождающих двойные стандарты, и реальной поддержкой конструктивных изменений. Поэтому мера здравого смысла и прагматизма политики, способность избежать крайностей будет определяться последствиями политических шагов, независимо от того, были ли они намеренными или нет.

Проследивая взаимосвязи между политикой Обамы и интеллектуальным наследием Нибура, нам, конечно, следует проявлять известную осторожность. Президент США не ведет и не будет вести себя как «чистый» нибурианец. Вполне актуальным может оказаться наблюдение видного специалиста по истории политической мысли Эндрю Бацевича, который отмечал весьма большие отклонения в интерпретации наследия Нибура политиками и публицистами⁴⁶. Полагаю, вместе с тем, что апелляция Обамы к Нибуру не является пустыми словами уже потому, что этический реализм стал крайне востребованной философией на фоне перегибов и крайностей внешней политики Дж. Буша.

Россию ожидает продолжение непростого диалога с американским президентом. Прагматизм требует осторожности и тщательности в проработке ключевых вопросов и согласовании интересов. Вместе с тем, реалистический подход открывает и новое окно возможностей. Подписанный недавно новый договор по СНВ — заметный индикатор того, что эти возможности используются. Россия и США могут сосредоточиться на ключевых аспектах своих отношений, будучи в меньшей степени подверженными иллюзиям идеологий, равно как и соблазнам силовой политики.

Summary: The article is focused on the analysis of doctrinal and conceptual foundations of Barack Obama's foreign policy. The ethical realism of Reinhold Niebuhr, who is considered to be the most important intellectual authority of the new American President, is treated as an "analytical lens" to approach the problem. Key thesis of the article implies that Obama makes the US foreign policy much more realistic in comparison with his predecessor, despite his image of a flexible leader. Unlike George W. Bush, he strives to behave as a "true realist", promoting the US national interests by means of diplomacy, coalition game and the policy of compromise, rather than by means of force and "hard power". Ethical realism of Reinhold Niebuhr may turn to be an important theoretical source of legitimation and argumentation of Obama's decisions and actions.

Ключевые слова

политическая философия, этический реализм, баланс сил, мощь, анархия, природа человека, авторитет, мораль, США, Рейнхольд Нибур, Барак Обама

Keywords

political philosophy, ethical realism, balance of power, anarchy, human nature, authority, moral doctrine, the USA, Reinhold Niebuhr, Barack Obama

Примечания

1. The Obama Enigma. Where Would He Lead America? // The Washington Post, Sunday, February 24, 2008. – P. B06.
2. Liam, Julian. Niebuhr and Obama. What Does the President's Taste for the Theologian Foretell? // Policy Review, No 154, April and May, 2009.
3. Аналогия заимствована у Бо Ротстайна. См. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы. / Гудин Р., Клингеманн Х.Д. Политическая наука: новые направления. — М. Вече, 1999.
4. Brooks, David. Obama, Gospel and Verse. // The New York Times, April 26, 2007. http://select.nytimes.com/2007/04/26/opinion/26brooks.html?_r=1
5. Перевод мой (И.Т.).
6. Haas, Mark. Reinhold Niebuhr's "Christian Pragmatism": A Principled Alternative to Consequentialism. // Review of Politics, No 61 (4), 1999. – P.605.
7. Констатация этого сдвига уже перешла на уровень базовых учебников по международным отношениям, что говорит об укорененности подобного взгляда. См., например, Bueno de Mesquita, Bruce. Principles of International Politics. Washington: CQ-Press, 2010.
8. По этому вопросу среди реалистов нет консенсуса. В качестве «первых» нередко определяются такие фигуры как Сунь-Цзы, Фукидид, Макиавелли, Гоббс и др.
9. Niebuhr, Reinhold. Why the Christian Church Is Not Pacifist? / McAfee, Robert Brown (ed). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. – P.102–103.
10. Hulsman, John; Lieven, Anatol. The Ethics of Realism. // The National Interest, Summer 2005. – P. 415.
11. Августин Бл. О Граде Божием. — М: АСТ, 2000. – С. 604.
12. Указ. соч. — С. 605.
13. Niebuhr, Reinhold. Augustine's Political Realism. / McAfee, Robert Brown (ed). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. – P. 124.
14. Niebuhr, Reinhold. Why the Christian Church Is Not Pacifist? / McAfee, Robert Brown (ed). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. – P.105.
15. Niebuhr, Reinhold. The Irony of American History. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. – P. 4. Niebuhr, Reinhold. Ideology and the Scientific Method. / McAfee, Robert Brown (ed). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. – С. 205–210.
16. Niebuhr, Reinhold. The Irony of American History. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. –P. 5.
17. Указ. сочинение. – P. 42.
18. Указ. сочинение. – P. 42.
19. Указ. сочинение. – P. 35.
20. Указ. сочинение. – P. 39–40.
21. Niebuhr, Reinhold. Moral Man and Immoral Society: A Study of Ethics and Politics. Louisville: Westminster John Knox Press, 2002.
22. Niebuhr, Reinhold. Why the Christian Church Is Not Pacifist? / McAfee, Robert Brown (ed). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. – P. 104.
23. Niebuhr, Reinhold. Augustine's Political Realism. / McAfee, Robert Brown (ed). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. – P. 128.
24. Niebuhr, Reinhold. The Children of Light and the Children of Darkness. / McAfee, Robert Brown (ed). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. – P. 160.
25. Niebuhr, Reinhold. Augustine's Political Realism. / McAfee, Robert Brown (ed). The Essential Reinhold Niebuhr: Selected Essays and Addresses. New Haven: Yale University Press, 1986. – P.109–110.

26. Указ. сочинение. – С. 110.
 27. Niebuhr, Reinhold. The Irony of American History. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. – P. 72.
 28. Указ. сочинение. – P. 69–71.
 29. Указ. сочинение. – P. 69–71.
 30. Указ. сочинение. – С.52–57, 60.
 31. Указ. сочинение. – С. 58.
 32. Указ. сочинение. – P. 134–135.
 33. Указ. сочинение. – С. 136–138.
 34. Указ. сочинение. – С. 142–143.
 35. Указ. сочинение. – С. 142–143.
 36. Morgenthau, Hans. Scientific Man Vs. Power Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1946.
 37. В их числе — свобода международной политики от «духа крестовых походов»; прагматичная опора на национальные интересы; способность видеть международную политику глазами оппонента (партнера) и учитывать его интересы; готовность к компромиссам. См. Morgenthau, Hans. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948.
 38. Carr, Edward. The Twenty Years Crisis, 1919–1939. New York: Palgrave, 2001.
 39. Waltz, Kenneth. Man, the State and War: a Theoretical Analysis. New York: Columbia University Press, 2001.
 40. Я говорю о парадоксальности постольку, поскольку конструктивисты развивали свой подход, базируясь на критике реализма. Вендт, в частности, выступил против того, чтобы изучать международные отношения в категориях анархии. Вместе с тем, Вендт склонен преувеличивать и абсолютизировать реалистические допущения. Действительно, анархия является постоянным фактором МО, что, конечно, не означает отсутствия возможности ее снижения. См. Wendt, Alexander. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. // International Organization, Vol. 46, No 2, Spring 1992.
 41. Алексеева Т.А. Насилие и демократия в политике США. // Международные процессы, No 2 (17), май-август, 2008.
 42. Фененко А.В. Американские концепции безопасности. // Международные процессы, № 1 (19), январь-апрель 2009.
 43. Hulsman, John; Lieven, Anatol. The Ethics of Realism. // The National Interest, Summer 2005. – P.4–43.
 44. Обама Б. Дерзость надежды. – СПб. «Азбука классика», 2008. – С.326–328, 336–337, 342–346.
 45. Указ. сочинение. – С. 354.
 46. Bacevich, Andrew. Prophets and Poseurs. Niebuhr and Our Times. // World Affairs, Winter 2008. – P. 25.
-